ДИКАЯ ВЕДЬМА
ОБЕЩАНИЕ ВЕДЬМЫ
ЛИНЕ КОБЕРБЁЛЬ

Дикая ведьма

Лине Кобербёль

Обещание ведьмы

«Эксмо»

2014

УДК 821.113.4-312.9-053.6
ББК 84(4Дан)-44

Кобербёль Л.

Обещание ведьмы / Л. Кобербёль — «Эксмо», 2014 — (Дикая ведьма)

ISBN 978-5-699-98818-1

Беззаботное детство не может длиться вечно — рано или поздно оно заканчивается. И приходится принимать решения, от которых зависит не только твоё будущее. Смотреть в лицо страху и сражаться за тех, кого ты любишь, за то, что считаешь важным... Именно так поступает Клара — тринадцатилетняя девочка, которая стала дикой ведьмой и дала обещание защищать зверей и птиц, которые об этом попросят. Пришло время выполнить обещание: ведь могущественная и жестокая Бравита Кровавая вырвалась из заточения и утоляет свой ненасытный голод, уничтожая всё живое... Шестая, и заключительная, книга серии «Дикая ведьма».

УДК 821.113.4-312.9-053.6
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-699-98818-1

© Кобербёль Л., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 18
Глава 5 22
Глава 6 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Лине Кобербёль
Обещание ведьмы

© Гурова Е., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1
Парящая ищейка

Я лежала на спине прямо на песке, глядя на затянутое лёгкой дымкой голубое небо. Наступило утро, попугаи на деревьях шумели и галдели – хуже, чем весь школьный двор в самый разгар перемены. Я понимала, что нужно бы встать – что мне в любом случае придётся скоро подняться, – но в тот миг так здорово было просто лежать. Дать отдых рукам и ногам, которые столько карабкались, прыгали, брели, ползали и боролись. Здорово не думать вообще ни о чём – только о песке, солнце и синем небе.

И тут я её заметила. Громадную птицу с такими широкими крыльями, что она напоминала летающую дверь. Она медленно парила в восходящем потоке воздуха, с каждым кругом снижаясь всё ниже, и по сравнению с размахом её огромных крыльев попугаи казались крохотными разноцветными воробышками.

Может, это орёл? Я понятия не имела, какие птицы могут встретиться здесь, на острове Кахлы.

Нет, похоже, это не орёл – слишком длинная шея. Я прищурилась от солнца, чтобы лучше разглядеть гигантскую птицу. Она снизилась ещё на несколько метров, приблизившись настолько, что я даже немного занервничала. Она была такой огромной… Конечно, хищные птицы редко нападают на людей, но…

Один из воронят испуганно пискнул; кто из двух – дикий друг Аркуса Эрия или другой воронёнок, – я не разобрала, однако Аркус пробормотал что-то успокаивающее им обоим.

Я уже собиралась сесть, как птица спикировала вниз. Приземлившись прямо передо мной, она сделала в мою сторону несколько неуклюжих шагов, словно бежала. Её глаза окаймляла морщинистая розовая кожа, и если бы не мощный жёлтый клюв, она напоминала бы угрюмого старика. Красные глаза злобно сверкали, а на перьях головы виднелась запёкшаяся кровь, в особенности вокруг клюва.

– *Убирайся!* – машинально крикнула я, подняв руку, чтобы защитить лицо, и в ту же секунду ощутила острую боль в предплечье. Обдав меня сладковатым гнилостным запахом и задев мощным крылом, птица, сделав пару взмахов, взмыла вверх и улетела в открытое море.

– Ай!

Прямо возле локтя образовалась рана. Довольно глубокая – при желании туда можно было засунуть палец. Но такого желания у меня не возникло. Сначала я просто сидела, тупо разглядывая порез, а потом он начал пульсировать, и кровь залила всю руку.

– Ой-ой-ой! – испуганно запричитала Никто. – Что случилось?

– Это был гриф, – сказала Кахла, поднявшись. – По-моему, белоголовый сип.

Фу, как противно! Если тебя ранит, как я подумала сначала, орёл, это уже неприятно, но гриф… падальщик, использующий клюв для того, чтобы копаться в полусгнивших внутренностях… фу, какой ужас!

– Он… поранил меня, – сказала я.

Оскар смотрел на кровь – по моему мнению, чересчур уж спокойно.

– Неслабо, – произнёс он. – Можно разглядеть сухожилия и всё такое…

Боль стала нестерпимой.

– Кахла, – попросила я, – не могла бы ты…

У меня даже голова закружилась. Гриф. Как противно!

Кахла взяла меня за запястье и запела. Прямо у меня на глазах бег крови замедлился, она начала засыхать, и рана закрылась, хотя и не до конца. Но этого, наверное, нельзя было требовать даже от такой способной дикой ведьмы, как Кахла.

– Промой её, – сказала она, показывая на волны, мягко и слабо бьющиеся о берег.

– В морской воде? Ведь будет же щипать так, что глаза на лоб…

– Морская вода препятствует воспалению, – перебила она. – Делай как говорю!

Пройдя несколько метров, я добрела до моря и, немного поколебавшись, окунула руку в воду. Защипало так, что в глазах потемнело, и мне пришлось приложить невероятные усилия, чтобы сконцентрироваться на том, сколько ужасных бактерий, занесённых грифом, смывает морская вода.

– Я не думал, что грифы нападают на живых людей, – сказал Оскар. – Может, он решил, ты мертва? Ты лежала совсем неподвижно…

– Но ведь потом я села! Он не мог принять меня за мертвечину!

– Белоголовый сип не любит летать над водой, – покачала головой Кахла. – Но этот, спасаясь бегством, улетел прямо в открытое море. К тому же… такие птицы обитают в основном в горных районах. Что-то здесь не так…

– Думаешь, это животное-раб?

Или… наверное, правильнее – птица-раб. Существо, лишённое собственной воли. Как змеи, которых подчинила себе мама Кахлы – по крайней мере до тех пор, пока они не восстали против неё и не убили.

– Возможно.

Но кто на такое способен? Ведь теперь, когда Ламия мертва, я даже предположить не могу, кто может сотворить подобное.

– Бравита Кровавая?

– Понятия не имею! – ощетинилась Кахла. – Я не могу знать, чем занимаются все злые дикие ведьмы мира. Только потому что моя мама… моя мама была…

Она запнулась.

Я заметила, как её плечи дёрнулись, и поняла, что она из всех сил старается не заплакать.

– Но ведь я совсем не это имела в виду, – тихо сказала я. – Ты просто… намного способнее нас. По крайней мере, меня. Ты знаешь гораздо больше.

Её плечи перестали дрожать. Она даже одарила меня печальной, еле заметной улыбкой.

– Тебе всё ещё больно? – спросила она.

Да, было больно, но уже так не щипало, и из-за морской воды я, по крайней мере, чувствовала себя чище.

– Терпимо, – ответила я. – Но лучше чем-нибудь обмотать.

Кахла молча дала мне один из шёлковых платков, составлявших «наряд принцессы», который, по мнению её мамы, она должны была носить.

– У грифов отличное чутьё, – задумчиво произнесла она. – Они могут отличить свежую мертвечину от гнилой падали на расстоянии нескольких километров.

– Слушайте, я же об этом знаю! – Оскар прямо-таки расцвёл от восторга. – Кое-где их используют, чтобы выявить утечки газа – ну в таких длинных трансконтинентальных трубопроводах.

Забавно услышать из уст Оскара такое взрослое слово, как «трансконтинентальный», иногда он в курсе очень странных вещей.

– Откуда ты знаешь? – спросила я. – И как это делают?

– В трубу закачивают особый газ, который пахнет падалью. А потом наблюдают, где будут кружить грифы. Я смотрел передачу о животных, выполняющих необычную работу. А

ты знаешь, что хорьков используют для того, чтобы протянуть провода через длинные трубы под футбольными полями, и тому подобного?

– Нет, – ответила я рассеянно. – Но какое это имеет значение? В смысле не по поводу хорьков, а что грифы хорошо чуют запахи?

Меня это слегка удивило. Когда речь заходит об обонянии, мысль о птицах приходит не в первую очередь. У них ведь вообще-то клюв, а не нос.

Кахла не отводила взгляда от моря. Гриф, конечно, давно исчез, но, похоже, она всё же его высматривала.

– Если тебе нужна ищейка, – произнесла Кахла, – которая сможет обыскать огромную территорию практически мгновенно…

– Поэтому-то их и используют для проверки трансконтинентальных трубопроводов, – встрял Оскар, всё ещё находившийся в образе абсолютного ботана.

– Гриф-ищейка? – спросила я, ощутив, как по коже побежали мурашки, ничего общего с погодой не имевшие. Здесь было минимум плюс тридцать градусов.

– О, нет! – воскликнула Никто. – Кто-то нас ищет! – Она бросила взгляд на мою руку, где на шёлковой перевязи уже проступило кровавое пятно. – И этому кому-то мы не нравимся.

Аркус до сих пор не произнёс ни слова: с ним это часто случалось – иногда можно было просто забыть о его существовании. Но теперь он распрямил плечи.

– Мы должны отнести воронят обратно в Воронов котёл, – сказал он. – Здесь им небезопасно.

Я осторожно потрогала руку, подумав, что, по-видимому, в безопасности не находится никто из нас.

Глава 2
Кровавый газ

– Вообще-то мне не повредил бы небольшой отпуск на море, – пробормотала я себе под нос, пока мы собирали вещи, готовясь отправиться в путь. Провести бы недельку на пляже, ничего не делая, только валяясь в тени пальм, поедая созревшие на солнце манго, попивая кокосовое молоко и бросаясь в лазурную воду, когда душа пожелает. Почему Кахла никогда не приглашала меня в гости? Я и понятия не имела, что она живёт в месте, словно взятом из туристического каталога, рекламирующего тропические курорты.

Наверняка её папа был против. Я задумалась о том, как долго ему удавалось скрывать от Кахлы, какой на самом деле была её мама и где она находилась. На протяжении долгих лет он держал Ламию взаперти в лабиринте, не давая ей творить зло, а Кахла думала, что она просто «исчезла». Вряд ли ему хотелось, чтобы у них под ногами болталась незнакомая любопытная девчонка, которая училась дикому колдовству…

Знали ли об этом тётя Иса и её ближний круг? Может, поэтому она согласилась обучать Кахлу? Чтобы девочка смогла стать настоящей дикой ведьмой: заботиться о диком мире, не используя его в своих целях. Ничего не брать, если не можешь отдать что-либо взамен. Этот закон диких ведьм Ламия так и не усвоила.

Я украдкой посмотрела на Кахлу. Её наряд принцессы уже скрылся под несколькими разноцветными шерстяными слоями, а ещё больше одежды в дорогу она сложила в рюкзак. Теперь она стояла чуть в стороне, глядя на пустой дом, и весь её вид говорил о том, что она как никто нуждается в дружеском объятии – несмотря на то что для неё обнимать и целовать людей направо и налево совсем не характерно.

Оскар меня опередил. Не в том смысле, что он бросился вперёд и заключил её в кольцо своих сильных рук, как делают в рассказах, которые печатают в журналах. Он просто слегка приобнял её за плечо.

– Ты в порядке? – тихо спросил он.

Она коротко и напряжённо кивнула – два раза, и всё. На языке Кахлы это означало: «Нет, не в порядке, но я буду делать вид, что всё нормально». Мне кажется, Оскар это понял, поэтому просто похлопал её по плечу, подбадривая, и взял у неё рюкзак. А она в ответ улыбнулась ему опять такой еле заметной печальной улыбкой.

Оскар был *моим* лучшим другом, но ревновать в тот момент казалось слишком уж мелочным. У Кахлы ведь, кроме нас, в целом мире никого не осталось. Мама её умерла, папа практически тоже. Если мы не вернём в Воронов котёл Эрию и маленького воронёнка, для мастера Милаконды, тёти Исы и остальных ведьм и колдунов из её круга – для Шанаи, фру Померанец и господина Малкина – неминуемо наступит смерть. Только с помощью птенцов вороновы матери смогут вырвать их из остановившегося мгновения, в котором они застыли, до того как жизненные силы покинут их навсегда.

Оскар даже не был моим парнем. Интересно, можно ли вообще нормально воспринимать тот факт, что твой лучший друг и твоя единственная подруга-ведьма явно начинают симпатизировать друг другу? Котёнок воспользовался моментом и, вскочив на меня и цепляясь когтями, вскарабкался на плечо. Он по-кошачьи встряхнулся, и во все стороны разлетелся песок. Я поспешно заморгала, чтобы не запорошило глаза, чувствуя, как мелкие острые песчинки залетают за воротник. Котёнок принялся тереться головой о мою щёку, мурлыча, как заведённая швейная машинка.

«Моя. Моя, моя, моя».

– Да-да, – пробормотала я. – Уже поняла.

Большим пальцем я почесала ему за ухом, там, где ему больше всего нравилось.

– Готовы? – спросила я. – Кахла, не могла бы ты…

Ведь Кахла по-прежнему лучше всех ориентировалась на диких тропах.

Она кивнула.

– Может, нам взяться за руки? – пропищала Никто. – Вдруг опять попадём в вороновый ураган…

У Никто *не было* рук, но у всех хватило такта об этом не напоминать.

– Наверное, неплохая идея, – ответила я.

Я уговорила сопротивляющегося Котёнка забраться мне под свитер – в самых чувствительных местах добавилось ещё песка, – а Никто заняла уже привычное место в рюкзаке у меня за плечами. Оскар, Кахла, Аркус и я взялись за руки. Кахла закрыла глаза и пропела несколько звуков дикой песни.

– Хорошо, – сказала она, – в эту сторону…

Почти сразу же начал сгущаться туман. Вот мы идём по песчаному пляжу, а в другое мгновение уже…

…что-то пошло не так.

Туман вокруг нас сомкнулся плотнее. Я знала, что Кахла идёт впереди, но не видела её. Я чувствовала руку Оскара и видела очертания знакомой фигуры, пальцы Аркуса нервно сжимали мои. Но в остальном я ощущала себя практически слепой. А туман…

– Здесь жарко, – сказал Оскар. – Так всегда?

Так же было и перед вороновым ураганом, который пронёсся по диким тропам, чтобы убить всех взрослых птиц Воронова котла.

– Кахла, – закричала я, – мне кажется, нам нужно отсюда выбираться!..

В отдалении раздался странный грохот, и тут я поняла, что всё вокруг перестало быть серым. Туман запылал тёмно-красным отсветом, напоминавшим старую кровь. Я услышала, как закашлялась Кахла, а через мгновение почувствовала то же самое: ужасное жжение в глазах и лёгких – ощущение, что всю тебя обжигают разъедающие испарения. Я судорожно закашлялась, диафрагма резко сжалась. Что же такое произошло?

– Газ, – просипел Оскар. – Кахла… назад!

Он цепко схватил меня за руку, а я крепче ухватилась за Аркуса. Ощутив мощный рывок, мы выскочили из туманов. Я ударилась обо что-то голенью, споткнулась и была вынуждена отпустить руку Оскара. Котёнок, зашипев, вонзил в меня когти – потом я обнаружила восемь царапин, небольших, но глубоких. Я по-прежнему ничего не видела, слёзы, ослепляя, текли по щекам, я закашлялась, отхаркиваясь, а когда попыталась смахнуть слёзы свободной рукой, стало ещё хуже, словно жаркие кроваво-красные газовые испарения плотно прилипли к коже. Тяжёлые частые дождевые капли вмиг намочили мои волосы и свитер, но я была только благодарна дождю. Я чувствовала, как капли смывают с кожи жгучую плёнку, и подняла лицо вверх, стараясь не закрывать глаза, чтобы дождь мог унять ужасное жжение.

Так я стояла несколько минут, прежде чем ко мне медленно стало возвращаться зрение.

Всё вокруг нас было погружено во тьму – не такую кромешную, какая бывает далеко за городом, а больше похожую на темноту, наступающую при включённых фонарях. За ноющее ощущение в голени я могла поблагодарить скамейку – абсолютно обычную зелёную скамейку из железа и пластмассы, какие стоят в парках. И на мгновение у меня возникло странное, похожее на сон, ощущение, что я вернулась в знакомые места. Но хотя на первый взгляд некоторое сходство имелось, этот сад не был Звёздным парком у меня дома. Цветы и деревья выглядели совсем по-другому. Кусты фуксии за скамейкой возвышались на целый метр, напоминая непроходимую чащу, а росшие на аккуратных клумбах большие белые колокольчики источали такой сильный сладковатый аромат, что сразу после газовой атаки он казался

скорее удушающим, чем приятным. На толстом дереве, на другой стороне дорожки, окаймлённой полоской бледной травы, сидели четыре крохотные обезьянки, не отрывая от нас огромных глаз.

Нет, мы определённо оказались не дома. И не очень-то приблизились к Воронову котлу – заключила я. Но где же мы тогда очутились? И что произошло с дикими тропами?

– Аапчхиии. О нет. Аааааапчхиииии. Хрррк. Что это была за… жуть? – запричитала Никто.

Она двигала крыльями вверх и вниз короткими рывками, напоминавшими работу стеклоочистителей, не потому что пыталась взлететь, а потому что ей постоянно приходилось бороться с желанием коснуться ими глаз.

– Расправь крылья, чтобы дождь мог их как следует очистить, – предложила я.

Она так и сделала, но крылья по-прежнему судорожно подрагивали, и даже в неярком освещения парка я заметила, что её глаза покраснели и опухли. Неужели мои пострадали так же сильно?

– Это был какой-то газ, – сказал Оскар. Он тоже выглядел не лучше. Слёзы и дождевые капли катились по его веснушчатому лицу. – Прямо какой-то… кровавый газ.

Котёнок, шипя, выбрался из-под моего свитера и спрыгнул на парковую дорожку. Покрутив пару раз головой, он, похоже, не очень обрадовался дождю, но в остальном выглядел сносно.

– Воронята! – воскликнула я. – Аркус, с ними ничего не случилось?

– Нет, вроде бы всё в порядке, – сипло ответил он. – Кажется, моя рубашка их защитила. По крайней мере, хоть как-то.

В целом было похоже, что звери пострадали меньше людей.

– Кахла, где мы? – спросила я.

– Не знаю, – ответила она. – Я… я просто старалась оттуда выбраться.

Сказать на это особо было нечего, к тому же я радовалась, что ей это удалось. При мысли о том, как всё могло закончиться, у меня побежали мурашки. Самое важное и сложное на диких тропах – придерживаться нужного направления. Не заблудиться. Иначе можно либо вообще оттуда не выбраться – так погибли родители Шанаи, – либо выйти в абсолютно неподходящем месте: например, в 20 метрах под уровнем моря.

И пусть мы находились в каком-то неизвестном чужом городе, промокшие насквозь под тропическим ливнем, подвергшиеся газовой атаке и оказавшиеся очень далеко от цели. Нам повезло.

Мы всё ещё были живы.

Глава 3
Дикая ведьма поблизости

– Двадцать шесть крон и пятьдесят эре[1], – удручённо сказал Оскар, подсчитав наше общее движимое имущество. – Да ещё, наверное, у них здесь совсем другие деньги.

– На пиццу нам вряд ли хватит, – вздохнула я.

Мы захватили с собой еду для воронят, а для себя самих – нет, рассчитывая добраться до места в течение часа.

Не надо было произносить слово «пицца». После того как тошнота улеглась, я почувствовала жуткий голод, а мне это не нравится, так как слишком напоминает тот случай, когда я на себе испытала голод возвратимца – Бравиты Кровавой. Я всё ещё помню, каково это – ощущать непреодолимое желание сожрать выводок новорождённых барсучат.

– Я больше не пойду на дикие тропы, – сказала Кахла. – Больше такого не хочу.

Мои обожжённые глаза с ней согласились. Больше не надо.

– Откуда взялся этот газ? – спросила Никто. – Это…

– Бравита, – сказала я, ни капельки не сомневаясь. – Это она. Думаю, пытается помешать нам добраться до Воронова котла.

– Откуда ты знаешь? – спросил Оскар.

– Это… на неё похоже. Да и кто ещё сотворил бы такое? Или, если уж на то пошло, *мог* сотворить?

– Ты хочешь сказать – газ колдовской? Что его создала дикая ведьма?

Вид у него был скептический.

– А ты не веришь?

– Ну… просто… в общем, газ – это ведь… нечто химическое. $C_{10}H_5Cl\ N_2$ и так далее.

– Что это? – спросила я.

– Химическая формула слезоточивого газа.

Ну, что я говорила – порой Оскар в курсе самых странных вещей, особенно если они имеют отношение к оружию.

– Это она, – упрямо сказала я. – Я знаю.

– А я и не говорю, что это не так. Просто… мне непонятно, как она это делает. Она ведь не тот персонаж, что сидит в засаде с набором газовых гранат, правда?

Я чувствовала усталость, голод, у меня болели глаза и рука – там, где гриф вырвал кусочек плоти. Под повязкой так саднило, что я её сорвала. Это помогло – дождь охладил рану и притупил боль. На самом деле мне больше всего хотелось раздеться и принять долгий душ из дождя. Это зудящее, саднящее ощущение, возникшее из-за газовой атаки, всё не проходило, и из-за этого я нервничала и раздражалась.

– Понятия не имею, как она это делает, – сердито ответила я, – и в данный момент мне абсолютно всё равно. У кого-нибудь есть предложения, как нам двигаться дальше?

Я посмотрела на свою компанию. Мы походили на стайку утонувших мышей – в особенности Валиант, который в большей или меньшей степени и был мышью – во всяком случае лесной соней. Он сидел на плече у Оскара, старательно очищая носик и усики двумя передними лапками одновременно. Очень странно. Если бы мне нужно было угадать, кто из животных станет диким другом Оскара, я бы, наверное, не показала на Валианта. Может, на собаку или уж точно на зверя больших размеров и большей храбрости. Хотя… как-то тётя Иса сказала, что лучше выбирать дикого друга, не слишком похожего на тебя, чтобы

[1] На момент выхода книги это примерно 250 руб. (*примеч. ред.*).

ты смог у него чему-нибудь научиться и смог чему-нибудь научить его сам. А Оскар и так достаточно смелый, так что, возможно, ему нужно научиться чему-то другому – например, всерьёз воспринимать опасность?

– Нам нужна помощь, – сказала Кахла.

– Да, – кивнула я. – Но как нам её получить?

– Нужно найти дикую ведьму, живущую поблизости, – ответила она. – И надеяться, что она окажется более-менее дружелюбной.

– Отлично, – сказала я. – И как нам это сделать?

Казалось, моё терпение пострадало так же, как зудящая кожа.

Кахла закусила губу. А потом на её лице появилась чуть заметная, влажная от дождя улыбка. Она показала на обезьянок, сидящих на дереве:

– Мы спросим у кого-нибудь из местных.

– Ты уверена, что это здесь? – спросила я.

Обезьянка просто посмотрела на меня своими громадными глазами. Кахла сказала, что это долгопят, и зверьку такое название действительно подходило. Обезьянка была не больше обычного хомячка, но длинные ручки и ножки, с помощью которых она карабкалась, странным образом походили на косточки. На шарообразной головке виднелся крохотный носик и пара ушей, как у летучей мыши, а остальную часть лица занимали глаза – огромные золотистые глазищи с чёрными булавочными головками зрачков.

Хотя начало переговоров взяла на себя Кахла, в итоге обезьянка уцепилась за мои волосы и шею. Мне кажется, ей не очень-то хотелось приближаться к дикому другу Кахлы – змее Саге. Обезьянка была такой крохотной, что казалось, будто на плече у меня сидит птичка.

Она не дала прямого ответа на мой вопрос – но я ощутила исходящее от неё нетерпение.

Однако, по-моему, этот дом совсем не напоминал жилище дикой ведьмы. Не знаю, как я представляла типичный дом местной ведьмы – может, как хижину с крышей из пальмовых листьев и верандой? А мы стояли перед большой белой бетонной коробкой с металлическими ставнями на окнах, окружённой аккуратным садом, где всё было расположено симметрично. Ни одному растению здесь не разрешалось вырасти больше чем на 40 сантиметров – их ровняли, стригли и обрезали почти под ноль. Вся территория была огорожена чёрной решёткой, а возле ворот установлены переговорное устройство и камера видеонаблюдения, даже не пытавшаяся скрыться от постороннего взгляда.

Оскар нажал на кнопку вызова. Послышалось гудение – и больше ничего. Он нажал снова.

– Может, здесь далеко за полночь? – предположила я.

Но на этот раз в домофоне раздался треск и сдержанное «Да?».

Долгопят прыгнул с моего плеча на ворота и принялся махать лапками, оживлённо объясняя что-то. В смысле… мне так показалось, потому что со стороны это выглядело именно так. Однако никаких звуков обезьянка не издавала. Тем не менее голос на другом конце отреагировал:

– Бима, это ты?

Беззвучное объяснение повторилось.

Раздался щелчок, и ворота медленно открылись.

– Входите, – произнёс голос, – и расскажите, кого Бима привёл домой на этот раз.

– Ничего себе! Людей Бима ещё никогда сюда не приводил, – сказала доктор Юли, рассматривая нас поверх блестящих очков для чтения. – Обычно он приводит нуждающихся в помощи обезьян. Но присаживайтесь. У вас тоже… несколько измученный вид.

Доктор Юли была маленькой и старой. Может, поэтому она напомнила мне фру Померанец? Вообще-то они были не похожи. Когда-то волосы доктора Юли были чёрными, и до сих пор в её белоснежной седине виднелось на удивление много тёмных прядей, делавших её чуть похожей на зебру. Тонкая морщинистая кожа имела цвет корицы, а брови были чёрными как смоль. На ней был белый распахнутый халат, какой носят в лабораториях, но из-под него виднелся яркий жёлто-изумрудный наряд.

Зелёный цвет, конечно, тоже, напоминал о фру Померанец, но, мне кажется, больше всего их роднила излучаемая старыми глазами доброта. Хозяйка сама открыла нам дверь и представилась доктором Юли. Если она и поразилась, увидев перед собой компанию юных диких ведьм вместе с таким существом, как Никто, то удивления не выказала. Она просто улыбнулась так, что её лучистые тёмные глаза почти скрылись в морщинках. Бима кинулся ей на руки, издав свой особый беззвучный крик, и теперь лежал, вальяжно развалившись на её предплечье, позволяя гладить себя по животу и источая безграничный восторг – крохотные тонкие ручки были вытянуты над головой, а ножки подрагивали как у собаки, когда гладишь её в самом любимом месте.

Внутри огромного дома жилое пространство беспорядочно переплеталось с лабораторией, а сам он больше походил на дом дикой ведьмы, чем казалось снаружи. Почти все стены были завешаны большими разноцветными плакатами с изображениями животных, птиц и насекомых, но там имелось и всевозможное техническое оборудование – естественно, микроскопы и ещё какие-то загадочные аппараты. Похоже, она могла центрифугировать, испарять, дистиллировать, взбалтывать, фильтровать, ферментировать и анализировать всё, что угодно. Мебель, напротив, для лаборатории подходила не очень – мягкие диваны с разноцветными шёлковыми подушками, полированные круглые столы из красного дерева, яркие шерстяные покрывала и огромное количество лакированных плетёных кресел, на спинках которых были нарисованы хвосты павлинов.

– Садитесь, – сказала доктор Юли, показывая на павлиньи кресла. – Хотите выпить чего-нибудь холодного? У меня есть морс и лимонад. Или чай, если предпочитаете горячее.

После газовой атаки горло у меня всё ещё болело и саднило, поэтому при мысли о лимонаде с кисловатым цитрусовым вкусом и об обжигающем чае оно запершило ещё больше.

– А можно просто немного холодной воды? – попросила я.

– Скромное пожелание, – доктор Юли снова коротко улыбнулась. – За столиком Кофлера[2] стоит бутыль с водой. – Она показала на один из лабораторных столов с аппаратом, на первый взгляд слегка напоминавший микроскоп, но, наверное, им не являвшийся. Во всяком случае, к нему были присоединены непонятные коробки и измерители.

Поднявшись, я принесла воду в пластиковых стаканчиках – друзьям и себе. Оказалось, пить хотелось всем, и животным тоже. Даже воронята, высунувшись из своего укрытия у Аркуса за пазухой, окунули свои неокрепшие клювики в воду и откинули головки назад, словно утоляющие жажду курицы.

– Простите, что так невежливо разглядываю вас, – произнесла спустя какое-то время доктор Юли, как следует рассмотрев Никто. – Но мне никогда раньше не встречалось существо, похожее на эту молодую даму. Можно спросить, как вас зовут и откуда вы?

Никто, конечно же, сразу засмущалась.

– О-о-о, – произнесла она. – Я… э-э-э… на самом деле я просто ошибка. Меня зовут Никто.

Брови доктора Юли поползли вверх.

---

[2] Аппарат Кофлера позволяет определить температуру плавления вещества (*примеч. ред.*).

– Такое имя никому не подходит, – сказала она. – Оно неуместно и опасно, так как, если не соблюдать осторожность, станешь тем, кем называешься. Или, может, даже – кем тебя называют. А это ещё хуже.

– О-о-о! – вновь произнесла Никто. – Извините! Просто… У меня нет другого имени.

– Это решать вам, – строго сказала доктор Юли. – Но советую поторопиться и найти себе имя получше!

– Я… я попробую.

Бедная Никто! По ней прямо было видно, что она думает – с ней *опять* что-то не так.

– Мы обязательно тебе поможем, – пробормотала я, слегка похлопав её по ручке-ножке.

Доктор Юли покачала головой:

– Это не ваша проблема. Боюсь, Никто так и останется никем, пока не выяснит, кто она на самом деле.

Вид у Никто был такой, словно она вот-вот расплачется, и я не понимала, как такая добрая женщина может говорить такие злые вещи. У меня возникло смутное подозрение, что она права, но… слова её звучали уж очень сурово.

– Наверное, нет смысла спрашивать, являетесь ли вы дикими ведьмами, – сухо продолжила доктор Юли. – Но что вы здесь делаете? И что с вами произошло?

– Мы попали сюда случайно, – ответила я. – Нам нужно было в другое место. На самом деле – в Воронов котёл.

– Воронов котёл, – повторила доктор Юли, – Но тогда вы сбились с пути!

– Мы не успели уйти далеко, – объяснил Оскар, – как вдруг нас окутал этот… кровавый газ. Жгучий и красный. Мы не могли двигаться дальше.

– И мне пришлось сделать так, чтобы мы выбрались наружу, – сказала Кахла с таким видом, словно считала, что она потерпела позорное поражение. – Мне кажется, здесь оказался просто… ближайший выход.

Доктор Юли медленно кивнула.

– В парке? – спросила она.

– Да.

– Всегда проще заходить на дикие тропы и выходить с них в местах, которые часто для этого используют. А я, когда хочу попасть туда, обычно иду в парк. Можно, наверное, сказать, что с годами я протоптала там дорожку. Но вам повезло. Вы могли очутиться где угодно.

– Я знаю, – сказала Кахла, опустив голову.

– Это не укор, дорогая, лучше ты сделать и не могла. Всё кончилось бы гораздо хуже, будь ты менее талантливой дикой ведьмой.

Мне кажется, Кахла даже покраснела. Иногда это трудно заметить – с такой тёмной кожей она уродилась, но всё же в тот момент цвет слегка изменился.

– Спасибо, – пробормотала она.

– Мы должны добраться до Воронова котла, это очень важно, – сказала я. – Эти птенцы – последние вороны, которые остались у вороновых матерей.

Доктор Юли была просто потрясена.

– Последние? – повторила она. – Но почему?

– Взрослых воронов погубил ужасный ураган. Вы слышали о Бравите Кровавой?

– О ней, наверное, слышали все, – ответила доктор Юли, – по крайней мере все дикие ведьмы.

– Да, но… большинство, по-видимому, думает, что она мертва. А она… вновь вернулась к жизни.

– Стала возвратимцем?

Доктор Юли побледнела, а Бима издал беззвучный писк и спрятал мордочку в её рукаве.

– Да. Сейчас – так нам, по крайней мере, кажется – у неё нет нужного тела, и это её несколько сдерживает. Но она по-прежнему очень сильна, и я абсолютно уверена, что вороновый ураган и кровавый газ – её рук дело.

Я поймала себя на мысли, что с удовольствием говорю о Бравите. Вообще это не самая моя любимая тема, но сейчас она позволяла избежать рассказа о том, что остальные воронята погибли, поскольку Кахла разбила яйца. Правда, её заставила мама, но всё это объяснить непросто, и Кахла от чувства вины, скорее всего, совсем пала бы духом.

– Но… что ей нужно? – спросила доктор Юли. – Что нужно этому возвратимцу? Зачем убивать воронов?

– Она хочет властвовать над миром, – заявил Оскар, обнаруживая явное знакомство с мелодраматичной логикой всех злодеев.

– Э… да, – согласилась я, пытаясь припомнить чересчур уж реальные кошмары, связанные с Бравитой. – Или… она хочет отомстить диким ведьмам, которые держали её в заточении на протяжении нескольких столетий, людям, которые за это время изгнали и истребили большую часть дикого мира – она ведь считает его священным.

Доктор Юли вздохнула.

– Мне всего лишь девяносто два года, – сказал она, – даже не сто лет. Однако когда я задумываюсь обо всём утраченном только за мою жизнь… – Она погладила Биму по головке. – Он один из последних зверьков своего вида, – печально сказала она. – Похоже, их осталось уже менее сотни. Я пытаюсь помочь им, пытаюсь спасти… но, боюсь, уже поздно. Некоторые виды долгопятов уже исчезли, просто вымерли. Это не значит, что я поддерживаю Бравиту. Но в чём-то я могу её… *понять*. Если бы я отсутствовала на земле – сколько там получается, где-то четыреста лет – и вернулась, увидев сколько всего утрачено навсегда…

Я взглянула на крохотного Биму. Ужасно, что такие чудесные существа могут скоро исчезнуть с поверхности земли. Но когда я вспоминала голод возвратимца, жажду отнимать всё новые и новые жизни…

– Бравита не решение, – тихо произнесла я. – Она делает всё только хуже. Если она победит, тогда… мир станет кровавым местом. И прямо сейчас она *сама* истребляет ещё один вид.

Я показала на Эрию и второго маленького воронёнка, которые всё ещё играли с водой в пластиковом стаканчике – не потому, что их мучила жажда, а просто потому, что им это нравилось.

– Да, – кивнула доктор Юли, – мы должны её остановить. Без Воронова котла дикие ведьмы станут разношёрстной кучкой оригиналов, поклоняющихся природе и живущих то там, то сям – не имеющих ни общего места для встреч, ни общих законов и правил, лишённых мудрости воронов и представления о большом мире. Бравита Кровавая сможет победить нас одного за другим – если захочет.

– Да, – сказала я. – Для неё всё либо чёрное, либо белое. Ты или на её стороне, или…

Я поёжилась.

Доктор Юли кивнула.

– Хорошо, – сказала она. – Тогда мне нужно сделать всё, чтобы помочь вам. Можно мне взять образец ткани твоей кофты?

Глава 4
Кратчайшая тропа

– Хм-м-м, – пробормотала доктор Юли. – Всё это весьма скверно.

Она сдвинула сильные очки для чтения на переносицу и принялась изучать данные, полученные из одного из своих навороченных аппаратов.

– Я надеялась, твой свитер впитал достаточно газа, чтобы сделать его анализ, и была права, – сказала она. – Это, кстати, означает и то, что вам необходимо найти другую одежду. Ходить в вещах, пропитанных газом, вредно для здоровья. Однако в полученных результатах есть нечто странное.

– И что это? – спросил Оскар, следивший за всем процессом с восторженным интересом.

– Я обнаружила значительное количество гидрохинона и перекиси водорода, – ответила доктор Юли. – А также достаточно гемоглобина и метгемоглобина.

Единственные слова, которые я знала, – «перекись водорода», но они звучали не особо опасно. Мама постоянно использовала эту жидкость всё моё детство. Стоило мне только оцарапаться, как она доставала коричневую бутылочку из шкафа над раковиной. Всегда немного щипало, но наблюдать, как шипит и пенится жидкость, было довольно увлекательно, особенно если ранка на самом деле немного воспалилась. И разве не этой жидкостью в старые времена осветляли волосы? Ну, когда хотелось стать совсем такой… суперблондинкой?

Доктор Юли по-прежнему была занята изучением полученных данных.

– Вы говорили, газ был красного цвета? – спросила она.

– Да, – тут же ответил Оскар. – Поэтому мы и назвали его кровавым.

– На самом деле, возможно, это и есть его самое точное название, – сказала доктор Юли. – Дело в том, что гемоглобин – вещество, которое окрашивает кровь в красный цвет. Однако же… сюда он никак не вписывается.

– Почему? – вновь поинтересовался Оскар.

В данный момент он и правда старался быть самым сообразительным учеником в классе.

– Без гемоглобина это вещество не что иное, как просто газ, выделяемый жуком-бомбардиром, – сказала доктор Юли, словно это должно быть понятно даже самым тупоголовым.

– Жуком? – переспросила Кахла. – Этот газ выпущен жуком?

– Точно не знаю, но у него, во всяком случае, похожий состав.

У Оскара был такой вид, словно он собрался похитить доктора Юли:

– Есть жук, умеющий выделять газ?!

– На самом деле, в задней части у него находится маленькая химическая лаборатория, – объяснила, улыбнувшись, доктор Юли. У него есть специальная реакционная камера в форме сердечка, а в мешочках он хранит смесь гидрохинона и перекиси водорода вместе с веществом, препятствующим взрыву. Но всё самое интересное расположено в нижней части этой камеры. Там находится толстая стенка, за которой хранятся энзимы[3], и сопло, действующее как клапан скороварки. Когда жук чувствует опасность, он смешивает гидрохинон с перекисью водорода, добавляя энзимы, – вот тогда-то и происходит много всего любопытного. Начинает выделяться тепло, и жидкости разогреваются до температуры кипения.

– Внутри жука-взрывателя? – спросил Оскар.

---

[3] Энзимы – то же, что и ферменты, – молекулы, ускоряющие химические реакции в живых организмах (*примеч. ред.*).

– Жука-бомбардира. Да.

– О, это круто!

Энзимы? Больше похоже на название вещества, которое входит в состав стирального порошка, чем на что-то, из чего можно сделать бомбу. Однако доктор Юли продолжила своё объяснение:

– Сопло устроено так, что оно открывается только тогда, когда давление достигает высокого уровня. И жук выстреливает струёй обжигающего ядовитого пара в своего противника. Большинство насекомых от этого погибают, и даже для человека это может быть неприятно.

– А люди могут создать такой газ, как жук-взрыва… бомбардир? – восхищённо спросил Оскар.

– Конечно. Собственно говоря, это весьма изящная небольшая реакция.

Она перевернула распечатанный листок с данными и написала на обратной стороне большими печатными буквами:

$$C_6H_6O_2 + H_2O_2 \rightarrow C_6H_4O_2 + 2H_2O$$

– Вот видите? – Она стала объяснять дальше. – Энзимы – каталаза и пероксидаза – вступают в реакцию здесь и здесь, – она показала на написанное на бумаге ручкой, – вследствие чего перекись водорода разлагается на воду и атомарный кислород, гидрохинон в свою очередь окисляется и…

Она подняла взгляд, встретившись глазами с Оскаром.

– И… бах! – произнёс он.

– Вот именно.

Я мало что уловила, а вот Оскар всё понял. Сразу было видно. Он и доктор Юли улыбались друг другу так, словно, у них есть общая тайна. Улыбкой заговорщиков.

– И это всё химия? – спросил Оскар.

– Чистая химия.

– А я тоже так смог бы?

– При наличии нужных реактивов в нужных пропорциях и сосуда под давлением с подходящим клапаном – да.

– Круто… – прошептал он, и это прозвучало более искренне, чем его обычные восторженные восклицания. Было похоже, что он только что выяснил, кем хочет стать, когда вырастет.

– В химических реакциях всё выполняет какую-то функцию. Нет ничего лишнего или потраченного напрасно, – сказала доктор Юли. – Поэтому-то я и не могу понять, при чём тут гемоглобин?

Она выглядела рассерженной, словно дирижёр, уличивший оркестранта в фальшивой игре.

– Он окрашивает пар – или газ – в красный цвет, но почему? Разве газ не мог быть просто белым?

– Нет, не мог, если мы имеем дело с Бравитой, – мрачно сказала я. – Всё, чего она касается, попахивает магией крови.

Именно это слово использовала тётя Иса, рассказывая о колдовстве, черпающем мощь в крови.

– О! – вдруг воскликнула доктор Юли, при этом вид у неё был ошеломлённый. – Так ведь именно это… это и нарушает чистоту химии. Её смешали с магией!

– Вот видишь! – сказала я, стрельнув в Оскара взглядом. – За всем этим действительно стоит Бравита Кровавая!

– Известно, что Бравита Кровавая провела в заточении больше четырёхсот лет, – произнесла доктор Юли. – Правильно?

Я кивнула.

– Вот поэтому она такая злая, – добавил Оскар.

Я бы о ней, наверное, так не сказала. «Злая» не то слово, «кипящая от гнева» – уже ближе, но на самом деле ярость, которую я в ней почувствовала, была такой неистовой, что трудно описать словами.

– Тогда, надо думать, некоторая часть научного развития выше её понимания. Некоторые могущественные дикие ведьмы могут решать проблемы лишь при помощи магии, но в этом заключается их слабость.

Она гладила Биму по животу согнутым указательным пальцем с довольно отсутствующим видом – так мне показалось, – но обезьянка всё равно наслаждалась.

– Мне кажется, например, что Бравита не знает о том, что существуют противогазы.

– У вас он есть? – живо спросил Оскар.

– Во всяком случае, у меня есть несколько защитных костюмов. Недостаточно для вас всех, но давайте на них взглянем.

Оказалось, защитные костюмы находились в шкафу в подвале. Видимо, они провисели там какое-то время, потому что, когда Оскар помогал доктору Юли их распаковывать, они издавали неэластичный хруст. Костюмы оказались жёлто-белого цвета и немного смахивали на комбинезоны для малярных работ, только у них имелся ещё и капюшон, больше напоминающий своеобразный складной шлем космонавта. Их было четыре штуки – три обычных и один детского размера.

– Вот этот сделан специально для меня, – сообщила доктор Юли, показывая на последний. – Насколько я помню, стоил он целое состояние. Но без них мы не могли получить разрешение для работы с некоторыми веществами.

Если повезёт, три больших костюма могут подойти Кахле, Оскару и мне, а маленький словно создан для Аркуса. Но…

– А как же быть с Никто? – спросила я. – И с животными?

Валиант много места не занимал, и Сага, наверное, тоже могла бы спрятаться в костюме Кахлы, но остальные не могли, а противогазов для Котёнка и воронят, скорее всего, вообще не существовало.

– Самое лучшее, что могу предложить – это, наверное, воздухонепроницаемый ящик, – извиняющимся тоном сказала доктор Юли.

– Но разве они смогут там дышать? – спросила я.

– Смогут, – ответила она. – Но только какое-то время. На сколько хватит кислорода в ящике.

– И на сколько его хватит? – пропищала Никто, которая с тех пор, как мы говорили о её имени, не проронила ни слова.

– Это, естественно, зависит от размера ящика и от того количества кислорода, который вам необходим. Я могу сделать некоторые вычисления. Мне нужно знать, сколько вы вместе с воронятами весите, а потом как можно точнее определить объём ваших лёгких.

Кожа вокруг носа и глаз Никто выглядела довольно бледной, что явно объяснялось не только последствиями газовой атаки.

– А какого размера ящики у вас есть? – спросила она.

– Вопрос, наверное, больше в том, какие из них вы сможете нести, – ответила доктор Юли.

По прошествии полутора часов, в течение которых был осуществлён ряд измерений и вычислений, Никто не стала спокойнее, а у доктора Юли от озабоченности появилась новая морщина – глубокая, вертикальная, прямо между бровями.

– Рискованный план, – покачала она головой. – Это далеко, и предсказать, сколько времени вам понадобится, чтобы добраться до места, очень сложно. Тем более мы не знаем, какое противодействие вы встретите по пути.

– Дикие тропы сами по себе непредсказуемы, – сказала Кахла. – Это единственное, что о них можно сказать с совершенной определённостью.

– Но, может, мы сможем пройти путь в несколько приёмов, – произнёс Аркус. – Попробуем передвигаться, как я, – скачками.

Аркус использовал дикие тропы в своей собственной манере. Он не заходил полностью в туманы, а перемещался, делая почти километровые шаги в обычном мире.

– Лучше бы мы просто полетели на самолёте, – сказала я.

– Пройти предполётный досмотр с ними было бы, наверное, непросто, – иронично заметил Оскар, показывая на Никто и воронят. – И *куда* именно ты, собственно, собралась лететь?

Тут до меня дошло, что я не имею ни малейшего представления о том, где находится Воронов котёл, если потребуется отыскать его на карте. Или на глобусе.

– Чтобы добраться до Воронова котла, необходимо пройти сквозь туманы диких троп, – сказала Кахла. – Это часть защиты, которая помогает скрывать мир диких ведьм от обычных людей.

– Но… ведь должны существовать хоть какие-то указатели на его… географическое положение? – спросила я. – Во всяком случае, там холоднее, чем здесь. Должно быть, это где-то севернее, правда? Ближе к Вестмарку и, возможно, ещё ближе к дому тёти Исы.

– А это довольно логично, – согласился, кивая, Оскар.

– Я не уверена, что можно отыскать Воронов котёл логическим путём, – сказала доктор Юли. – Во всяком случае, мне неизвестно, что существует какая-нибудь карта. Для большинства диких ведьм кратчайшая тропа к Воронову котлу начинается там, где ты ощущаешь себя как дома. Самые знакомые дикие тропы – всегда самые лёгкие.

Глава 5
Обратный отсчёт

Нельзя сказать, что парк с обезьянками был тем местом, где я ощущала себя как дома, но мы всё равно были вынуждены начать наше путешествие именно оттуда.

Доктор Юли разбудила нас рано на рассвете. Вообще-то Кахла хотела отправляться в путь немедленно, но в конце концов согласилась сначала поспать несколько часов.

– Это и так довольно трудно и опасно, – сказала доктор Юли. – А пускаться в путь в таком утомлённом состоянии, пока вы ещё окончательно не избавились от последствий газовой атаки – просто верх глупости, если уж говорить прямо.

Кахла не тот человек, кто будет мириться с тем, что его называют как заблагорассудится, тем более глупой. Или… такой была прежняя Кахла. Новая версия моей лучшей и единственной подруги-ведьмы, терзаемая виной, просто опустила голову и кивнула. Возможно, потому, что доктор Юли одновременно похлопывала её по руке и ласково улыбнулась. Хотя, конечно, у крохотной приветливой старой дамы был примерно 90-летний опыт того, как настоять на своём.

Отпуска на море у меня не получилось, но я хотя бы смогла принять душ, перевязать руку и поспать несколько часов. Это на самом деле так помогло, что я слегка воспряла духом. Кахла сможет отыскать дорогу к Воронову котлу, я была в этом уверена, – даже отсюда. Пусть защитные костюмы и не новые, зато крепкие, и это успокаивало. Брючины и рукава оказались слегка длинноваты, но я вполне могла передвигаться не спотыкаясь.

Ящик, в который должны были залезть Никто с Котёнком и воронятами, был размером с чемодан, только более широкий и квадратный. Больше всего он напоминал огромный пластиковый контейнер с прозрачной крышкой, но защёлки были немного мощнее и сделаны из металла с резиной. Однако обращаться с ним оказалось не так-то просто, ведь ручек у него не было, поэтому нам пришлось обвязать его ремнями, чтобы нести. Мы немного потренировались, осознавая всю серьёзность задачи – времени возиться у нас не будет.

Доктор Юли рассчитала, что кислорода в ящике хватит на 26 минут. Если мы не доберёмся до места за 20 минут, нам – то есть Кахле – придётся, не теряя головы, найти «запасной выход», как тогда, когда мы впервые столкнулись с газовой атакой. К крышке ящика мы прикрепили скотчем большой таймер со светящимися красными цифрами, чтобы ориентироваться, сколько у нас ещё осталось времени. Я также установила на Старфоне будильник, который должен был прозвонить через 25 минут в качестве дополнительного предупреждения, если мы практически достигнем предела допустимого времени. Телефон я засунула в рукав костюма, так как карманов в нём не было.

Котёнок совсем не радовался перспективе сидеть в ящике. Он выкручивался и выворачивался, пытаясь выцарапать себе свободу, но на этот раз ему пришлось сделать так, как сказала я.

– Может, ты хочешь остаться здесь? – спросила я, пытаясь как можно чётче представить себе одинокого мяукающего Котёнка, который неприкаянно бродит между лабораторных столов доктора Юли. – Или снова хочешь глотнуть газа?

Не знаю, что на него подействовало, однако он вдруг совсем обмяк в моих руках, прекратив борьбу. Это было так на него непохоже, что я совсем расстроилась. Подняв его вверх, я осмотрела угловатую головку, золотистые глаза, вытянутое, чуть длинноватое тельце.

Страдающий взгляд, которым он посмотрел на меня, был минимум таким же понятным, как раньше мысли Кота.

«Ты злая и плохо со мной обращаешься. Бедный я, несчастный!»

Я еле сдержала улыбку. Единственное, от чего он страдал – так это от слишком ярко выраженного артистического таланта. Теперь я не очень-то верила в его полный отказ от борьбы, поэтому ему отвели в ящике собственное пространство, отгородив от воронят пластмассовой перегородкой.

– Ой-ой-ой, малютки вы мои, – произнесла Никто, слегка расправив крылья. – Не бойся, Аркус, я о них позабочусь.

Её крылья подрагивали, да и голос тоже. Но она сама запорхнула в ящик, а воронята, ей-богу, прижались к ней, словно к маме. Это, наверное, был самый смелый поступок, который я когда-либо видела. Ведь более беспомощное существо, чем Никто в тот момент, трудно было представить – у неё не было ни настоящих рук, ни пространства, чтобы взмахнуть крыльями, ни возможности самой выбраться наружу. Она и трое животных оказались заперты в ящике, где кислорода хватит всего на 26 минут. Понятно, почему она тряслась от страха.

После того как ящик был закрыт, времени на размышления и колебания не осталось, так как на дисплее таймера уже высветилось 25:55. Пошёл обратный отсчёт.

Кахла пропела первые звуки дикой песни – громко и пронзительно, так что они были слышны даже через капюшон с забралом. Мы с Оскаром подняли ящик. Я успела лишь мельком увидеть, как доктор Юли поднимает на прощание руку, а Бима прыгает на одно из деревьев в парке. Однако секунду спустя дерево застлало пеленой и мне уже было не видно доктора Юли, а только слышны её слова:

– Удачи! Верьте в себя, дикие ведьмы!

Туман, как обычно, был серого цвета, и, несмотря на защитный костюм, я ощутила, что температура упала на несколько градусов. Никакого газа не видно. По крайней мере, пока.

Из-за масок мы не могли по-настоящему разговаривать. Я слышала какие-то звуки, издаваемые Оскаром, но слова разобрать не могла. Надеялась только, что это не очень важно. Кроме того, мы не могли держаться за руки, как в прошлый раз, так как нам с Оскаром нужно было нести ящик. Мы понимали, что, если появится газ, нам будет трудно разглядеть друг друга, поэтому все связались одной верёвкой, которая шла от моего плеча к Оскару и дальше к Аркусу и Кахле.

Вдруг конец моей верёвки нетерпеливо задёргался. Оскар явно хотел прибавить шагу. Отличная идея – стоит поторапливаться, это точно.

Если не будем терять время, сможем добраться до Воронова котла одним махом. Я прибавила шагу. Бежать мы не могли, ведь между нами находился ящик, кроме того, в костюме я вскоре запыхалась и вся вспотела. Однако красные цифры, пылающие сквозь туман, подгоняли лучше, чем любой громко орущий тренер, призывающий увеличить скорость.

19:27.

Прошло уже больше шести минут! Куда они подевались? Я всматривалась в туман, но могла разглядеть только ящик, Оскара, Аркуса и чуть в отдалении спину Кахлы. Никаких деревьев. Ничего.

Но газ тоже не появлялся. «Если заблудимся, – подумала я, – то можем просто открыть ящик и запустить туда больше воздуха. В смысле если не появится газ».

Я не успела додумать мысль до конца, как Котёнок принялся буйствовать. Сквозь плотные пластмассовые стенки ящика и фильтр защитного костюма до меня еле-еле долетал его мяукающий писк, но внутри меня, там, где находилось дикое чувство, возникло ощущение, будто кто-то вонзил мне иглу в мозг.

«Выпусти. Выпусти-выпусти-выпусти-выпусти!»

Это были не просто слова, а безустанная, отчаянная борьба за свободу. Весь ящик ходил ходуном, Никто бросало из стороны в сторону, и она пыталась сохранять равновесие с помощью крыльев, которые даже не могла расправить, воронята испуганно хлопали своими крохотными неокрепшими крылышками.

Ящик начал выскальзывать у меня из рук. Я пыталась его удержать, одновременно выдвинув обвязанный верёвкой локоть вперёд, а затем потянув назад так, чтобы получилось три резких рывка – условный сигнал бедствия. Аркус уже встал на колени рядом с ящиком, пытаясь помочь нам удерживать его более-менее ровно; наверняка почувствовал страх воронят.

Кахла оглянулась. Я поняла по её глазам, видневшимся через прозрачное пластмассовое забрало, что она тоже напугана. Она вглядывалась в туман, но, очевидно, видела не больше нас, другими словами – ничего.

Котёнок царапал крышку и стенки ящика, полностью выпустив когти. Я пыталась успокоиться, но всё равно чувствовала, что меня охватывает страх: я не понимала, почему он так себя ведёт, и была почти уверена, что он тратит слишком много кислорода. Может, расчёты оказались ошибочными и он уже начал задыхаться? Нет, Никто, несомненно, могла дышать и постаралась накрыть крыльями двух испуганных воронят – боролся только Котёнок, словно речь шла, по крайней мере, об одной из его девяти жизней.

Оставалось только одно – открыть ящик и достать его оттуда. Но только не здесь, на диких тропах, ведь он в такой панике, что вполне может просто выскользнуть и удрать без оглядки – а здесь за это легко поплатиться. Что, если он потеряется и я его никогда не найду? Или если нас всё же окутает газ?

– Нам нужно отсюда выйти! – что есть мочи закричала я, наугад показывая направление.

Кахла в восторг не пришла, но кивнула.

Мы выпали из туманов диких троп так же резко и неожиданно, как в тот раз, когда спасались от кровавого газа и очутились в парке с обезьянками. Но теперь не было ни обезьян, ни цветов, ни деревьев…

Земля по цвету напоминала черепицу – красно-коричневую, алую, оранжевую. Её покрывали плоские стёртые камни, хрустевшие под ногами. Здесь также только что встало солнце и некоторые камни были тёмными от росы.

Однако меня волновал только Котёнок. Распахнув защёлки, я сдвинула крышку в сторону, и в следующую секунду мой маленький котик прыгнул в мои объятия, пытаясь когтями продраться сквозь защитный костюм. Я открыла защёлкивающийся механизм и откинула назад «шлем космонавта», и в течение нескольких мгновений он просто прижимался к моей шее. Я ощутила, как сквозь тёплую чёрную шёрстку и хрупкие рёбрышки бьётся его сердце – тук-тук-тук, – словно ещё один пульс, быстрее моего в два раза.

– Да что с тобой такое? – прошептала я.

Он ещё не научился как следует рассказывать мне, о чём думает и чего хочет – в отличие от Кота, который в течение нескольких столетий носил в себе душу дикой ведьмы Виридиан и осознал, что люди плохо понимают тебя, если не пользуешься словами. Я просто ощущала страх Котёнка, его отчаяние и безмерное чувство одиночества, но не знала, как мне ему помочь.

– У тебя ведь есть я, – прошептала я. – А я – вот она, здесь.

Но, похоже, этого было недостаточно.

– Что с ним такое? – спросил Оскар.

– Он… боится и чувствует себя одиноким.

– Одиноким? – удивилась Кахла. – Но ведь он прилип к тебе как репей. Да и почувствовать себя одиноким в ящике вряд ли можно.

– Интересно, а у котов может развиваться клаустрофобия? – спросил Оскар. – Моя мама как-то застряла в лифте с мужчиной, который так запаниковал, что начал стучать как сумасшедший по стенам, а потом упал в обморок.

Я не могла ответить ни на один из их вопросов. Просто знала, что мой Котёнок несчастен.

– Мне больше не удастся усадить его в ящик, – сказала я. – Что будем делать?

– Во всяком случае, здесь мы оставаться не можем, – ответила Кахла. – Иначе ссохнемся как изюм. Если вы ещё не заметили, мы вообще-то посреди пустыни.

Она была права. Сначала я об этом не подумала, ведь мы стояли не на песке, а без песчаных просторов я пустыню не представляла.

Но оказалось, такое возможно. Куда ни взглянешь, повсюду виднелись эти камни цвета черепицы, а вдали – скалы, чуть помассивнее. Остатки росы уже испарились на солнце, но утро всё ещё было ранним. Я боялась даже подумать о том, насколько жарко здесь будет ближе к полудню.

Тут я услышала, как Никто что-то бормочет себе под нос:

– Абигайль. Артемида. Анастасия. Или… Беата… Нет, думаю, я не Беата. Клара, как думаешь, я похожа на Беату?

– Э… нет… в смысле да, если только тебе самой нравится.

Если честно, по-моему, я не очень её слушала. Широкая тёмная тень скользнула по красной земле. Когда я взглянула вверх, меня пробрала дрожь: на этот раз сомневаться не приходилось – в небе парил, зависая между нами и солнцем, гриф, и хотя до него было далеко, я невольно схватилась за руку. В мире существует огромное количество грифов, и причины думать, что это тот самый, не было никакой – на самом деле это было бы просто невероятно. Но мурашки, бежавшие по моей спине, с таким логическим рассуждением не согласились.

– Клара? – Кахла подошла ко мне вплотную. – Извини. Но у нас нет выбора.

Я слишком поздно поняла, что она собирается сделать. Она положила руку Котёнку на голову, и вдруг нас с ним пронзила ужасная, тошнотворная боль. А потом он обмяк у меня на руках. Не так, как до этого, когда *изображал* вялость, прикидываясь бедным маленьким страдальцем, нет – теперь он обмяк по-настоящему, напомнив безжизненную тряпичную куклу с болтающимися лапками, так что сложно было определить, дышит он или нет.

– Что ты с ним сделала? – произнесла я, глотая ртом воздух – мне вдруг самой стало трудно дышать.

– Я… немного зажала его жизненную струну. Но не выкрутила её и не оборвала. Он придёт в себя, но… наверное, не сразу.

Я не отводила от Кахлы взгляда. Она столько всего умела, что вполне могла бы сравниться с Бравитой. Или Ламией. И это сходство ужасало. Хотя я и знала Кахлу, иногда она меня пугала. Как-то тётя Иса сказала, что добро и зло не делятся на «или-или», они едины. В Кахле же было столько всего тёмного, трудного для понимания, опасного – того, что многие, наверное, назвали бы злом.

– Мне пришлось это сделать, – прошептала она, похоже почувствовав или разглядев мои мысли. – Как же иначе нам двигаться дальше?

Сначала я не могла выговорить ни слова. Просто погладила своего маленького обмякшего котика по голове, хотя он этого и не почувствовал. А потом положила в ящик – вялого и смирного.

– Двигаться дальше, – повторила я. – Да. Давайте уже закончим это путешествие.

Я выудила Старфон из рукава костюма и заново установила будильник, стараясь не смотреть на Котёнка. Он казался таким маленьким, гораздо меньше, чем обычно.

Оскар довольно неуклюже похлопал меня по плечу.

Мы закрыли ящик, и он вновь установил время на таймере. 26 минут.

Я взглянула вверх. Гриф так и парил в небе.

Глава 6
Жучья война

Тень грифа, можно сказать, всё ещё витала надо мной, в то время как нас окутывал густой туман диких троп. Котёнок лежал в ящике, напоминая кем-то потерянную мягкую игрушку, которая лишилась большей части набивки. Внутри меня было какое-то странное серое чувство, словно это мне зажали жизненную струну. Казалось, я не полностью принадлежу реальности. Руки в перчатках защитного костюма были влажными и скользкими от пота, и мне приходилось прилагать массу усилий, чтобы удерживать ремень, за который мы несли ящик.

Почему у меня возникло ощущение подавленности, будто всё сейчас закончится очень-очень скверно?

По сравнению со зноем пустыни, откуда мы прибыли, туман диких троп казался бесцветным и прохладным. Единственное, что теплилось красным, – это цифры на таймере. 24:07, 24:06, 24:05… Огромным усилием воли я оторвала взгляд от экрана. Можно подумать, мы несём бомбу, а не будущее всего дикого мира.

А ведь о будущем и идёт речь. Не только о единственной надежде тёти Исы сохранить жизнь. Или о последнем шансе для папы Кахлы. Или Шанаи, фру Померанец и господина Малкина…

Если мы не доставим воронят в целости и сохранности в Воронов котёл, всё будет точно так, как сказала доктор Юли: дикие ведьмы лишатся общего места для встреч, и пройдёт немного времени – и Бравита Кровавая будет властвовать беспредельно.

Я сознавала, что мой маленький Котёнок не должен быть помехой для достижения нашей цели. Однако что-то всё же сочилось из моего сердца, из того места, где находилось дикое чувство. Я истекала кровью, хоть и невидимо для окружающих. Ноги стали тяжёлыми и неповоротливыми, а костюм, казалось, перестал быть защитным, превратившись в тюрьму – в нечто, держащее меня в заточении, лишив осязания, зрения, слуха и способности мыслить…

– Клара? – донёсся издалека неясный звук.

Оскар бросил на меня косой взгляд, и я поняла, что он за меня переживает.

Я кивнула, просто чтобы показать, что со мной всё в порядке, и чуть-чуть прибавила шагу. Чем раньше мы доберёмся до места, тем лучше. Я хочу снять этот костюм, хочу вынуть Котёнка из ящика, хочу перестать тащить на себе будущее всего дикого мира.

14:24.

Сердце вдруг совершило болезненный неуклюжий скачок. Мне казалось, что я только что усилием воли отвела взгляд от таймера, но всё равно прошло… нет, плевать, сколько прошло. Важно – сколько осталось.

Меньше четверти часа.

Пот катился по лицу, груди и спине. Ткань костюма прилипала к влажной коже, и передвигаться становилось всё труднее и труднее. Может, нужно было посыпать ткань картофельной мукой, как поступала мама с резиновыми перчатками, когда делала уборку? Иначе их трудно снять, говорила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.